

НАРОДНОЕ СЛОВО В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Т. В. Парменова
Вологда

О МОДАЛЬНОСТИ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ (на материале «Словаря вологодских говоров»)

Модальность, неизменно привлекающая внимание исследователей, давно уже стала одной из самых «загадочных» и потому неопределённых лингвистических категорий. Нельзя не согласиться с такой точкой зрения: «Трактовка модальности в современной лингвистике необычайно широка, к тому же трудно найти двух авторов, которые понимали бы модальность одинаково» [Бирюлин, Корди 1990: 67].

Не касаясь разнообразия и даже известных противоречий в теоретических воззрениях на модальность, покажем возможности применения функционального подхода к анализу этой семантической категории в диалектной речи.

Представляется, что функциональный подход может и должен найти более широкое применение в диалектологии, это придаст ей новые импульсы и откроет широкие горизонты исследований. Такие основные принципы функционального анализа, как взаимосвязь разноуровневых средств, приспособленных для передачи близкой, сходной семантики, взаимодействие лексики и грамматики, выделение и описание функционально-семантических полей, разграничение центра и периферии позволяют увидеть закономерные связи с литературным языком и специфику, характерную для народных говоров. Среди работ, посвящённых функциональному анализу диалектного материала, отметим, в частности [Смирнов 1999; Ровнова 2000; Черняк 2004].

Материалом для наблюдений в данной статье послужил «Словарь вологодских говоров», подготовленный коллективом преподавателей Вологодского педагогического института (университета) и изданный в 1983–2007 гг.

Модальность понимается нами, вслед за А. В. Бондарко [Бондарко 1990: 59–66], как отношение высказывания к действительности с точки зрения его реальности / ирреальности. Традиционно разграничиваются так называемые *объективная* модальность, отражающая отношение содержания высказывания к действительности, и *субъективная* модальность как воплощение мнения, точки зрения говорящего или другого субъекта на степень вероятности и достоверности содержания высказывания, которые выражаются целым спектром языковых средств. Их пред-

ставление на диалектном материале может быть предметом отдельной статьи.

Функционально-семантическое поле объективной модальности включает, как минимум, три микрополя: реальности, т. е. соответствия содержания высказывания действительности, и два микрополя нереальности: побудительности, или императивности, и гипотетичности, или предположительности.

Представление в говоре реальной модальности, актуальных событий с их изменениями во времени описано в [Парменова 2008: 138–143]. В целом хочется отметить одну особенность диалектной речи, зафиксированной словарями: перед нами отрывочные, чаще всего ответные реплики, и потому развитие модальных отношений, смена и взаимодействие модальных планов могут быть исследованы только в более широких контекстах. В то же время обобщённый, назидательный характер, свойственный народной речи, отсылки к прошлому опыту, нередко неприятие происходящего, в целом свойственное конфликту «отцов» и «детей», создают важный фон при изучении модальных отношений.

В описании функционально-семантических полей большое внимание уделяется соотношению понятий «центр» и «периферия». На примере представления ирреальной – побудительной и гипотетической – модальности покажем, как «работает» эта теория в условиях диалектного материала. Наиболее регулярные, типичные, специально приспособленные для передачи тех или иных значений языковые средства рассматриваются как центральные, а периферию составляют менее употребительные, нестандартные способы выражения. Распределение средств выражения на центральные и периферийные в литературном языке и говорах во многом совпадает.

Побудительная модальность связана с выражением говорящим повеления, побуждения другому лицу или лицам совершить то или иное действие, которого ещё нет в действительности. Материалы словаря содержат значительное количество примеров выражения императивности с помощью типичных, стандартных средств – форм повелительного наклонения общерусских и диалектных глаголов: *Ты только колоняся* (постучись), *всякий пустит переночевать*. В-У. Кич. *Не клянй, не клянй* (не ругай) *робят-то, сам виноват!* В-У. Черн. *Поди сун-от излажай* (делай, готовь). Гряз. Михалк. *Извешай* (повесь) *фуфайку на гвоздь*. Арх. Вельск. Крыл.

Кроме этих форм, побуждение к действию передают другие средства: сослагательное наклонение глагола, изолированный инфинитив, инфинитив в сочетании с частицей *бы*, а также призывные и отголосные слова.

Семантика побуждения реализуется целой гаммой значений: совета, предложения, приглашения, просьбы.

К примеру, семантика совета выражается формами императива диалектных и общенародных глаголов: *Пέтька, брось свою дурную извѣцьку* (привычку). В-У. Род. *Излáдь* (поправь) *хоть воротник, на шеё загнулся*. Тот. Мос. *Излажáйте постель да и спíте*. Сок. Б. Иван. *За менá-то имáйся* (держись, хватайся). В-У. Лод.

Морализаторский, назидательный характер диалектной речи нередко проявляется в том, что тот или иной совет сопровождается отсылками к прошлому опыту или комментарием: как и почему именно так следует себя вести: Я *Мийшу наставляю*: «*Излáдся, растрёпой не ходи*». *Рáньше парничóк-то излáдичча, пúговиши все застегнёт, а нóне хóдят – и хáря гóлая*. К-Г. Барак. *Испотéшить-то легкó, испотéшу детéй-то, а потóм майся*. Ведь *дéвку-то испóртят, испотéшат*. В-У. Алекс. В последнем случае форма повелительного наклонения *майся* используется не в императивном значении, передавая вынужденное, нежелательное действие, отнесённое к любому лицу, в том числе и к самому говорящему.

Отдельные словарные статьи содержат сразу по несколько примеров использования императивных форм. Например, глаголы *бздавáть* и *бзда́нуть*, имеющие значение ‘поддавать / поддать пару в русской бане, обдавая водой раскалённую каменку (печь)’, чаще всего используются в высказываниях-советах: *В бáню пойдёте, дак больше бздавáйте, а то не распáритесь*. Влгд. Меньш. *Бздавáй-ко, а то хóлодно в бáне*. К-Г. Алфер. *Бзданý-ко ишишо разóк, штёбы жáрче бýло*. Ник. Куд. *Бзданý на кáменицию-то, пар-от и бýдет*. В-У. Никул.

В «Словаре вологодских говоров» зафиксирована форма повелительного наклонения бесприставочного диалектного глагола *имáть* со значением ‘ловить, хватать’: *Имáй его быстрéй, а то ведь убежšíт*. Ник. Осин. Встречаются и другие примеры диалектных императивных форм: *Изугóдуй* (приготовь), *Таты́на, постéль, я устáл чтó-то, пришáгу*. Тарн. Ил. Погост. *Помани* (подожди) *малéнько, я изобихóжусь, дак потóм и расскажáжу*. Сямж. Монаст. *Карзáй бревнó* (очищай от коры) *да обéдатель пойдём. Карзáть бревна на сруб не тák легкó, как кáжется*. Кир. Ферап.

Предупреждение, то есть совет не совершать или прервать уже начатое нежелательное, с точки зрения говорящего, действие, выражается формой повелительного глагола с отрицанием. Так, глагол *кéркать* в значении ‘ворчать, быть недовольным’ встречается в контекстах: *Не кéркай лúчше! Мнóго на себé берёшь, малá ещé*. Сок. Васил. *Живí да не кéркай*. Сок. Журяг. Шутливый совет с императивом глагола *измирáть* в значении ‘худеть, терять силы от недоедания’ выражен в высказывании: *Не измирáйте хоть у нас*. Тарн. Шалим.

Совет приостановить или прекратить нежелательное, по мнению говорящего, действие, граничит с запретом, запрещением и выражается сочетанием слов *хвáтит*, *пóлно*, *довóльно* с инфинитивом. «Словарём воло-

годских говоров» зафиксированы примеры такого употребления диалектных синонимичных глаголов *изгилáться* и *изумлáться* в значении ‘вести себя неприлично, кривляться, дурачиться’: *Хвáтит изгилáчия, не мáленькая*. К-Г. Курил. *Пóлно изумлáться-то, уж спать порá*. Вож. Бекет. Глагол *камíдиться*, имеющий значение ‘шалить, озорничать’ также встречается в контексте: *Хвáтит тебé камíдиться, ишь, разошёлся-то*. Шекsn. Ершово. Глагол *изводíться* в значении ‘долго и нудно плакать, капризничать (о ребёнке)’ используется, в частности, в высказывании: *Хвáтит тебé изводíться*. Гряз. А употребление глагола *изгалáться* (насмехаться, потешаться) подтверждается примерами: *Довольно изгалáться-то над ей!* Кир. Мереж. *ПóУно изгалéц-то над робёнком!* Гряз. Истоп.

Кроме того, совет совершить действие, противоположное реальному положению вещей, выражается формами сослагательного наклонения с частицей *хоть*: *Хоть бы колонúлась в дверь-то*. Верх. Кост.

Запрет, граничащий с угрозой, выражается конструкциями с *чтоб, чтобы, кабы*: *Чтоб этой извáдки* (привычки) *нé было!* Межд. Дмитр. Угрозу содержит и устойчивое сочетание *кáбы* (*чтóбы*) *тебя изнáло*. В «Словаре вологодских говоров» читаем: ‘Бран. Восклицание, выражающее крайнее недовольство кем-либо или чем-либо’. *Отстáнь, комú говорю, до чё надоéл, чтоб тебя изнáло совсéм*. Кир. Ферап. Такое же значение характерно и для выражения с формой повелительного наклонения глагола *быть* и кратким прилагательным *киловáт*: *Ой, да бúдь ты киловáт!* В-У. Алекс.

Предложение, приглашение к совместному действию передаётся формой *давай, давайте* в сочетании с инфинитивом: *Давáй в ýмки* (прятки) *игráть: тебé догонять, а я убегаю*. Ник. Осин.

Просьба нередко выражается формами сослагательного наклонения, что придаёт ей большую осторожность, мягкость, деликатность. Так, глагол *излáдить* в значении ‘отремонтировать, привести в порядок’ встречается в контексте: *Николáй, излáдил бы дверь, а то ходунóм хóдит*. Вож. Якун. Близкое значение передаётся словом категорий состояния *надо* (диалектный вариант *нáде*) с частицей *бы* и инфинитивом: *ДéУки, кали́тку нáде бы прикрыть*. Влгд. Марк.

Следующим контекстом проиллюстрируем взаимодействие разных модальных и временных планов глагольных форм: *Ишь, извóдится! Пóизводíсь у менé ещé!* *Перестáнь ревéть, тебé говоря́т!* Межд. Дмитр. Как видим, в первой части представлена реальная модальность констатации факта в настоящем времени (*извóдится*), во втором предложении форма императива этого же глагола передаёт семантику угрозы, побудительная модальность соотносится с планом расширенного будущего, а в завершающей части звучит побуждение немедленно прекратить нежелательное действие.

Побуждение, призыв передают и так называемые призывные или отгонные слова типа *кари3кари-кари*. Традиционно мы относим их к междометиям, однако их функция сходна с императивом: двойное или тройное повторение коротких, чаще всего двусложных слов должно вызвать реакцию животных подойти, приблизиться к зовущему или, наоборот, отойти от говорящего.

В разных говорах отмечаются разные слова, с помощью которых подзывают или отгоняют домашних животных. Так, в Сямженском районе подзвывные слова для овец *кари-кари-кари*, в Вологодском – *бáши-бáши*, в Великоустюгском и Кичменгско-Городецком – *мáли-мáли*. Зафиксировано несколько вариантов: *мáлька-мáлька*, *мáльки-мáльки*, *мáсеньки-мáсеньки*, *мáси-мáси*, *мáсъ-мáсъ*, *мáськи-мáськи*. В Великоустюгском районе встречается междометие *цáка-цáка*: *Кур дак подзвывао: кўтю-кўтю, а овéчек – ой, как? Забыла! А, цáка-цáка, цáконьки-цáконьки!* В-У. Мороз. Чáка-чáка, чáко-чáко, чёга-чёга, чéка-чéка, чёка-чёка, чéко-чéко, чýга-чýга, чýго-чýго – этими словами призывают овец в Сямженском, Сокольском, Вожегодском, Бабаевском, Кирилловском районах. А если иметь в виду разнообразие фонетических вариантов, количество таких слов значительно возрастает.

Возгласом *прúка-прúка* в Нюксенском районе подзывают, а словами *ксы-ксы* отгоняют коров в Никольском, Кичменгско-Городецком, Великоустюгском, Междуреченском районах.

Велико разнообразие подзвывных слов для куриц, отмечаются целые ряды вариантов: *кўти-кўти*, *кўтю-кўтю* и *кўтя-кўтя*, *пýли-пýли*, *цýба-цýба*, *цýва-цýва*, *цýли-цýли*, *цýлюшки*, *цýпля-цýпля*. Приведём примеры из «Словаря вологодских говоров»: *Кўти-кўти, идýте сюдá, поклóйте зёрнышек. Ник. Филип. Кўтя-кўтя, я вам крóшек принеслá. К-Г. Лисиц. Кўтю-кўтю, я вам хлéбушка дам. Баб. Кокш.*

Крестьянская традиция доброжелательного обращения с домашними животными проявляется не только в фонетическом облике и структурном дублировании таких призывно-отгонных формул, но и в использовании их в качестве обращений, в своеобразном разговоре человека с животным или птицей: *Цýба-цýба, робýтки, домой порá, идýтё скорýе. Влгд. Сяма. Куды и цýпляте девáлись, зову «цýли-цýли», а всë нейдýт. Ник. Сорок. И любопытны комментарии носителей говора на то, как реагируют животные на призывы и «общение»: «Чýли-чýли-чýли» скáркаю – мáленькие, а понимáют, бежáт скорýя. Тарн. Серг.*

Междометие-возглас, построенное по модели формы повелительного наклонения, можно отнести в одинаковой степени как к детям, так и к цыплятам, овцам: *Кýшьте, кýшьте отсюда, малькý. Ник. Осилк.*

Междометное побуждение, описанное в нашем словаре как ‘поощрительное обращение к ребёнку, начинающему вставать на ножки, ходить’,

записано в архангельских говорах: *Дыб-дыб, Сашенька, ну, вставай, вставай!*! *Дыб-дыб, дыб!* Скоро ведь ужходить надо! Арх. Вельск. Найт.

Гипотетическая модальность выражается в диалектной речи формами сослагательного наклонения как центральным, наиболее типичным средством, характерным для литературного языка. Образуются эти формы и от диалектных глаголов. «Словарь вологодских говоров» фиксирует, например, форму модального глагола *измόться* со значением ‘смочь’: *Климат на юге друго́й, а мόжет, я измогла́сь бы жить там*. Межд. Иван. Ирреальное допущение, предположение о возможности, выраженное сочетанием модального глагола с инфинитивом, усиливается вводно-модальным словом *может*.

Типичное употребление форм сослагательного наклонения для описания ирреальных нежелательных последствий, обратных тому, что произошло в реальности, продемонстрируем примером: *Ладно, хоть сын карни́з* (жёлоб, служащий для стока воды с крыши) *сделал. А то воды не наноси́лся бы*. Гряз. Аксен. Такое замещение выполняет функцию дополнительной, в данном случае позитивной, оценки правильного, рационального поведения.

Ирреальные условно-следственные отношения также служат характеристикой реального положения дел: утвердительные конструкции соответствуют отрицанию данной ситуации в действительности. Так, прилагательное *кóngовый*, имеющее значение ‘крепкий, с мелкослойной древесиной, прочный (о лесе, дереве)’ иллюстрируется примером: *Было бы кóngовое дéрево, так было бы всё крéпче*. К-Г. Пан. Прагматическим компонентом семантики таких высказываний является сожаление об отсутствии в реальном мире такого положения дел: «жалъ, что это не такое крепкое дерево, как конговое».

Ирреальное условие и его следствие выражаются и типичными конструкциями с сослагательным наклонением и союзом *если*: *Если бы по́нáвся мне э́тот клéпáло, так я бы егó тут и пришиб. Узнáв бы он тогдá, как сплéтни про менé рострука́ть*. К-Г. Рос.

В речи может выражаться сожаление по поводу уже произошедших событий, представленное в модели: *если бы, то...* и в её отрицательном варианте: *Не бежáла бы бегóм, шла бы исподовóле, ногу бы и не подавíла*. Хар. Поп.

Желательное, но оставшееся нереализованным действие, которое можно назвать «ирреальным замещением», выражено в конструкциях с инфинитивом и частицей *бы*: *вместо того, чтобы, нет чтобы* или просто *нет бы*: *Нóнесь закрыlinу излажáл, нет бы картóшку копáть*. Тот. Мос. Подобные высказывания всегда передают осуждение говорящим

событий, происходящих в реальном мире, и отражают другие приоритеты, представление говорящего о целесообразности других действий.

На периферии микрополя гипотетичности оказываются сочетания частицы *бы* со словами категории состояния и инфинитивом, например, с модальным безличным предикативом *надо* или соответствующим ему диалектным *нáде*: *Нáдо бы сéно-то изворóчать*. Сок. Бояр. *Нáдо бы ку-пýть хотíи однí катоники*. Сямж. Монаст. *Нáдо бы нóвую катарúшку* (колодку для изготовления носовой, передней части валенка), *да тепéрь их никтó не дéлает*. К-Г. Рудн. *Смотрí-ко, весь топóр в каржáвине* (ржавчине), *наточить бы его нáде*. Ник. Осин.

Ещё дальше от центра находятся формы инфинитива с частицей *бы*, выражающие, в частности, ирреальное желательное действие, а последующий контекст в нашем примере называет причины, по которым невозможна его реализация, например: *В колóдце водá-то чýстая, тóлько бы пить, да не пролéзть тудá*. В-У. Том.

При употреблении инфинитива с частицей *бы* противопоставление реальности и ирреальности может стираться, так, о реально происходящем можно услышать: *Я ему дéло говорю, а он тóлько бы бухтýны гнуть* ('говорить вздор, нелепость, шутить'). Хар. Никул. Как видим, вместо *он тóлько бухтýны гнёт* использована форма со значением ирреальным, точнее, потенциальным, тем самым подчёркиваются типичность действий другого лица и негативная оценка говорящим подобного поведения.

Инфинитивом с частицей *бы* выражается также ирреальное желание, отнесённое в план будущего: *Мне бы сýмечка найти, я бы на инóй (будущий) год посíяла*. К-Г. Бяк. В целом высказывание состоит из двух частей, передающих условно-следственные отношения: ирреальное желательное условие влечёт за собой желательное следствие.

На дальней периферии выражения ирреального условия находятся формы повелительного наклонения: *Порóби-ко* (поработай), *как онí, так жíво измérнут*. К-Г. Плоск. Очевидно, что это не прямое побуждение, а ирреальные условие-допущение и его следствие: если бы поработали, как они, так живо умрут / умерли бы. Тем самым создаются обобщённость, отнесённость к любому лицу и негативная оценка ситуации.

Встречается и изолированное употребление частицы *бы* и диалектического слова *нáде* в сочетании с родительным падежом существительного: *Дождý-то нáде бы, вóн как вся землý исщелáлась, ничего не нарастéт*. Сок. Васил. В начале высказывания передаётся ирреальная необходимость желания говорящим дождя, которая поддерживается двумя частями с реальной модальностью, описывающими состояние земли к моменту речи (*исщелáлась*), и предсказанием нежелательных последствий в будущем.

Ирреальная желательность также может выражаться в конструкциях со свёрнутым предикатом, но отсутствие глагола не мешает пониманию:

Ох, и скусная картóфельница-то, ещё бы ма́слица побольше. Сямж. Еск.
На умё одын копёж (накопление чего-либо): как бы поболье. Кир. Сухов.

Семантику опасения, нежелательности в будущем отрицательных последствий передают, как и в литературном языке, формы сослагательного наклонения или инфинитива с отрицанием в сочетании с союзом *чтоб*, частицами *как*, *только*, *лишь*, *хоть*. Вот пример конструкции с сослагательным наклонением: *Брёвна на извёзе стáли худые, как бы лошáдь не провалíлась.* К-Г. Плоск. А в словарной статье, посвящённой описанию слова *колодец*, которое имеет в вологодских говорах значение ‘небольшое пространство («окно») чистой воды в болоте’, встречаем: *Вот идёшь по болоту и думай: как бы не попасть в колóдец.* В-У. Тел. *Боятся люди, чтоб карку́нья беды не наклыкала.* Гряз. Вохт.

Ирреальная семантика всегда присутствует при выражении целевых отношений: цель самым непосредственным образом связана с нереализованным и желательным или нежелательным действием. *Кáболки* (просмолённой верёвки) *намотаём на лáпти, чтоб не катило под угóры.* В-У. Никул. Безличный глагол *катить* в данном случае имеет значение ‘скользить, теряя устойчивость при отсутствии твёрдой опоры под ногами’, а форма сослагательного наклонения с отрицанием указывает на цель названного в первой части действия. Сходный пример: *Ну, мéньше огонёк надо излажáть, чтоб не выкипело.* Сямж. Монаст.

Целевое значение характерно и для употребления фразеологизма *ключи улягутся*, имеющего значение ‘о прекращении бурного кипения жидкости’: *Пусть постойт малéнко, чтобы ключи-ти улеглýсь. Вот как кисéль свáришь, дай постоять: пусть ключи улягутся.* Сямж. Монаст. Как видим, в первом предложении цель соотносится с ирреальной модальностью, а во втором – с будущим временем, которое, как известно, тоже называет потенциальное, а не актуальное действие.

Наблюдения над модальной семантикой показали, что средства выражения модальности и их расположение по отношению к центру или периферии семантического поля в диалектной речи сходны с литературным языком. Формообразование диалектных глаголов идёт чаще всего по общерусским моделям, хотя встречаются и нетипичные формы наклонений. Материалы «Словаря вологодских говоров» показали богатство и разнообразие модальной семантики диалектной речи, были выявлены нюансы взаимодействия разных типов модальности во взаимодействии со средствами контекста.

В целом исследование ещё раз подтвердило плодотворность применения функционального подхода к изучению диалектной речи. Впереди новые темы, которые позволят ещё глубже и ярче раскрыть богатейший потенциал нашего достояния – народной речи.

Литература

Бирюлин Л. А., Корди Е. Е. Основные типы модальных значений, выделяемых в лингвистической литературе // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. – Л., 1990. – С. 67–71.

Бондарко А. В. Модальность. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. – Л., 1990. – С. 59–67.

Нарменова Т. В. О применении функционального подхода к изучению диалектной речи (на материале Словаря вологодских говоров) // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Сборник научных трудов. Часть 2. Отв. ред. Г. В. Судаков. – Вологда, 2008. – С. 138–143.

Ровнова О. Г. Употребление грамматических форм в русской диалектной речи // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. – СПб., 2000. – С. 67–78.

Смирнов И. Н. Функциональный анализ и лексикографическая интерпретация диалектного слова // Диалектная лексикология и лексикография: Брянские говоры (к 90-летию проф. В. И. Чагищевой). – СПб., 1999. – С. 139–149.

Ю. Н. Грицкевич
Псков

ОППОЗИЦИЯ ДЕРЕВНЯ – ГОРОД В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Культурные установки и стереотипы в осмыслении образа города и образа деревни как ценностно маркированных в народной культуре объектов проявляются в знаковых репрезентациях. Оппозиция *деревня – город* основывается на общеизвестной и универсальной оппозиции *свое – чужое*. Параметр отделения себя от других, дихотомия *свой – чужой* является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов 1997: 472]. Членение географического пространства определяется как экстралингвистическими, этнокультурными, так и собственно лингвистическими факторами. Восприятие города как чужого, неосвоенного, враждебного пространства в противопоставлении восприятию деревни как своего, освоенного, а потому понятного в своем устройстве пространства является закономерным для носителя русской народной культуры, что находит свое отражение в народной речи (ср. антонимические единицы *город – деревня* [Блинова 2003: 64–65]), в том числе в псковских говорах. Город традиционно в сознании носителя народной русской культуры удален как в пространственном, так и временном отношении. Так, в псковских говорах устойчивое сочетание *не за городами (кто-нибудь)* совмещает значения ‘не очень далеко, близко’: *Приедут скора, веть ни за гарадам*. Кар. и ‘в скором времени’: *Сколька времени прайдёт, и Кузьма [день святого Кузьмы] не за гарадам*. Остр. [ПОС 7, 118]. Материал псковских говоров свидетель-